

Эфорум

№ 6 (декабрь), 2007 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Знакомимся

Французский интеллектual становится «силови́ком» на ринге, а затем возвращается, чтобы рассказать свою историю (интервью с Лоиком Ваканом) 2

Узнаем

Социология покера 6

Образ бюрократа в советской карикатуре 9

Учимся

Что такое «музыка»? 16

Шутим

Экономико-социологическая сказка «Как Иван-Социолух решил мир посмотреть, да себя показать» 19

Уважаемые читатели! Есть новости, которыми нельзя не поделиться. Всем известна строчка заглавной песни телевизионной передачи «Что? Где? Когда?»: «Что наша жизнь? – Игра». В нашем случае:

Что? – Турнир, который проводила ассоциация интеллектуальных клубов ГУ ВШЭ при поддержке Управления по внеучебной работе со студентами и Клуба «Бизнес в стиле.RU».

Где? – В ГУ ВШЭ.

Когда? – 15 ноября 2007 г.

Вопросы отборочного тура составлял редактор телевизионной игры «Что? Где? Когда?» Ренат Хайбуллин, а финал проводил трехкратный обладатель приза «Хрустальная сова» Максим Поташев. И в этой нелегкой борьбе за право называться «лучшими» победу одержали социологи.

Вот их имена: Светлана Барсукова (профессор кафедры экономической социологии), Андрей Кожанов (старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов), Валерий Крапиль (сотрудник Центра проблем государственного управления при ГиМУ), Николай Крапиль (студент 4-го курса факультета социологии), Яна Рощина (доцент кафедры экономической социологии), Денис Стребков (доцент кафедры экономической социологии).

Победное очко нашей команде принесла Яна Рощина, верно ответившая на вопрос: «Что одни называют правильно отредактированным романом, другие – мыслью, исполняющей пируэт, а третьи – красивым цветком с глубокими корнями?» (Ответ: Афоризм). Яна Рощина была признана «лучшим игроком» и стала обладателем статуэтки «Интеллектуальная ворона». Поздравляем!

Ум заключается не только в знании, но и в умении прилагать знание на деле...

Аристотель

Состязались четыре команды: факультета социологии (капитан – Николай Крапиль), факультета экономики (капитан – Юлия Пельтинович), МИЭФа (капитан – Алексей Киселев) и факультета бизнес-информатики (капитан – Владимир Дзюба).

Слово редактора

Недавно проходил семинар ЛЭСИ, на котором мы обсуждали планы развития «ЭСФорума». В связи с этим нам хотелось бы поделиться с нашими читателями некоторыми соображениями, а заодно и рассказать о шестом номере бюллетеня.

На этот раз мы публикуем: интервью с Лоиком Ваканом, в котором он раскрывает некоторые факты из своей уникальной биографии социолога на боксерском ринге; перевод эссе Кайла Силера «Социология покера», где автор представляет социологический анализ онлайн-игр в покер; статью Дениса Стребкова, посвященную образу бюрократа в работах советских художников-карикуристов; критический обзор подходов к пониманию того, что такое музыка, написанный Павлом Лебедевым. Что объединяет все эти материалы? – Одно очень важное обстоятельство: авторы устремили свой социологический

взгляд на неформатные с точки зрения социологии вопросы. И это нам кажется очень важным.

Почему поле наших научных интересов зачастую столь узко? Почему мы считаем, что вопросы рынка труда, предпринимательства и власти относятся к серьезным социологическим темам, исследование которых способствует приращению научных знаний, а проблемы спорта, азартных игр и карикатур не достойны нашего внимания?

Из номера в номер мы пытаемся проводить одну и ту же мысль: важно снять с себя тематические шоры и смотреть на мир широко открытыми социологическими глазами. Ведь социолог всегда остается социологом.

Представляем вам работы из разряда «неформатной социологии».

Лоик Вакан

профессор социологии Калифорнийского университета в Беркли (США), научный сотрудник Центра европейской социологии в Париже (Франция)

Разговор
с Лоиком Ваканом

(Перевод Зои Котельниковой)

Французский интеллектуал становится «силови́ком» на ринге, а затем возвращается, чтобы рассказать свою историю.¹

Социолог из Беркли Лоик Вакан, обучаясь в аспирантуре Чикагского университета, в конце 1980-х гг. вел

¹ Schoch R. A French Intellectual Becomes a Brawler in the Ring – and Returns to Tell the Tale // California Monthly. 2003. Vol. 114. No. 3 (December). P. 24–28 // <http://sociology.berkeley.edu/faculty/wacquant/selected.htm>.

«двойную» жизнь: днем он был боксером, а ночью – ученым. Еще будучи PhD-студентом, Вакан пригласил французского социолога Пьера Бурдьё, одного из ведущих интеллектуалов XX в., принять участие в организуемом им семинаре; впоследствии данное мероприятие обернулось совместным авторством книги «An Invitation to Reflexive Sociology»² – работой, которая переведена на 17 языков и считается самым лучшим введением в теорию Бурдьё. Занимаясь написанием книги, Вакан параллельно обучался боксу в черном гетто в Чикаго, где он был единственным белым среди членов боксерского клуба. «Занятой Луи» («Busy Lui»), так его прозвали в спортзале, побитый и весь в синяках (у него были сломаны несколько ребер и нос), познавал «милую его сердцу боксерскую науку» столь хорошо, что в 1990 г. принял участие в чикагском турнире «Золотые перчатки». Deskриптивный анализ полученного им опыта недавно был изложен в опубликованной им книге «Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer»³.

«Я боюсь, что некоторые подумают: "О, это история о чокнутом француз-

² Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press; Cambridge, UK: Polity Press, 1992. 348 p.

³ Wacquant L. Body and Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer. New York and Oxford: Oxford University Press, 2004.

зе, 62 кг слабости, которого побили в Чикаго", – говорит Вакан. – Но "Body and Soul" – это нечто большее, чем просто амбиции». В книге, наполненной полевыми записями, интервью и фотографиями, Вакану удалось совместить три направления: *этнографию*, которую он называет «тонким волокном описания чувств, мыслей и действий особого рода людей в особом роде среде»; *социологию* – анализ социальной структуры и отношений в черном гетто; *литературу* – впервые написанный нарратив о чемпионате «Золотые перчатки», который читается захватывающе. «В отличие от того, чему меня учили в университете», – говорит Вакан, – я считаю, что антрополог должен идти к аборигенам. Однако самым сложным здесь является то, что сначала ты должен суметь применить все свои аналитические инструменты на практике, а потом вернуться и не только рассказать историю, но и объяснить другим, что там происходит.

<...>

Вакан не забыл время, проведенное им в южной части Чикаго. В конце своей совместной с П. Бурдьё книги «An Invitation to Reflexive Sociology» он благодарит своих друзей по боксерскому клубу и цитирует одного из них: «Привет, Луи. Парень, о чем ты говоришь? Какая рефлексивная социология? Что это такое?»

В предлагаемом вашему вниманию интервью «Занятой Луи» рефлексии-

рует по поводу жизни социолога на ринге.

Откуда появилось имя «Занятой Луи»?

Тому есть две причины. Первая – техника ведения бокса: в бою у меня была слабая защита. Вы, наверное, думаете (во всяком случае, я бы так рассудил): если он – ученый, то должен быть техничным бойцом, обладать стратегическим мышлением, во всю мощь использовать свои интеллектуальные способности, т.е. быть тем, кого называют «боксером-игровиком»⁴, а не «боксером-силовиком»⁵. Но это совсем не так: на ринге я был скорее драчуном, нежели боксером. Я очень хотел преуспеть, несмотря на то, что не обладал созданным для этого «телом». А когда у тебя слабая защита, единственным средством борьбы остается нападение, поэтому на ринге я все время беспрестанно махал кулаками. Вторая: парням в спортклубе было неудобно называть меня Лоиком, они переименовали меня в «Луи». Таким вот образом появилось прозвище «Занятой Луи». Мое боксерское имя закрепилось за мной еще и потому, что из-за исследовательской и писательской работы я порой не мог прийти в спортзал или остаться там подольше. Моя жизнь была похожа на жизнь доктора Джекилла и господина Хайда; в результате я приобрел довольно странное чувство баланса. Тот период определенно был самым лучшим в моей жизни.

В своей новой книге Вы пишете, что гетто, где находился боксерский клуб, и университет, в котором Вы учились, являли собой две разные планеты.

Рабочий квартал южной стороны Чикаго

Скорее разные галактики! Я жил на углу 61-й улицы. Если при выходе из дома я шел по направлению к северной части Чикаго, то погружался в универсум знаний, книг и академической среды, которая была преимущественно белой, богатой и защищенной. Находившиеся там люди знали, что их ждет блестящее будущее и что они работают на него. А когда я сворачивал на юг, казалось, будто попадаю в совершенно другой мир – бедный, черный и опасный, со своим чувством времени, особыми социальными отношениями, узким социальным горизонтом, где имели значение совсем иные вещи. Например, «текст» там не имел никакого значения. Первая статья, которую я написал о боксе, общим объемом 40 страниц, опубликованная в журнале в 1989 г., содержала фотографии из нашего спортзала. Я притащил журнал

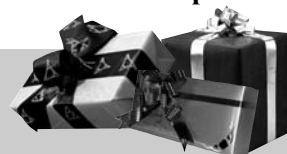
в клуб, думая, что, увидев его, ребята обалдеют. Но все, что они делали с ним, – это оставляли на чистых полях телефонные сообщения.

Вы сказали, что в гетто, помимо занятий спортом, Вам приходилось овладевать и «языком тела». Мой тренер Диди научил меня держать и правильно использовать особенности моего тела не только в клубе, но и за его пределами. Возьмем, к примеру, элементарные вопросы: где нужно припарковать машину и как надо идти в клуб. Вы не оставляете машину на 63-ой улице в гетто, а едете на 61-ю улицу в Гайд-парк и уже оттуда направляетесь в клуб. Вы должны просигнализировать языком своего тела, что вы знаете, где вы находитесь, что вы уверены в себе и что вы не испытываете страха. Поэтому вы занимаете максимально большое пространство, идете, широко расправив плечи, свободной походкой, излучая уверенность в том, что эта улица – ваша собственная территория, ваш дом, что вы никого не боитесь и способны дать отпор при любой физической угрозе. В карманах пиджака вы держите сжатыми кулаки, сигнализируя другим, что, возможно, вы вооружены.

С тех пор прошло уже более 10 лет, Вы сможете сейчас пройти таким образом?

² «Этот тип боксеров строят свой бой за счет комбинаций и хорошо отточенных серий ударов, которые они "примеряют" к противнику в процессе разведки боя. В дальнейшем, если эти серии проходят и какие-то комбинации хорошо проводятся по слабым незащищенным точкам противника, "игровик" активизируется, все больше маскируя их перед своей атакой, затем нанося их уже с молниеносной скоростью, выигрывая бой по очкам» (Камелетдинов Р. Его величество удар // http://www.erlib.com/Рашид_Камелетдинов/Его_величество_удар/1/). – Примеч. пер.

³ «Этот тип боксеров предпочитает боксировать в атакующей манере на средней и ближней дистанции, где большее предпочтение отдается так называемым круговым ударам (боковым хукам, ударам снизу, апперкотам). Вид боя они, как правило, выбирают наступательный, все время тесня соперника к канатам, пытаясь зажать его в углах, где обрушивают на него шквал ударов, достаточно мощных по своей физической силе и динамизму. Эти боксеры достаточно экспрессивны, серийны и умеют держать удар» (Там же). – Примеч. пер.

Да. Такие навыки прочно инкорпорируются в вашем теле. Это умение подобно езде на велосипеде: научившись кататься на нем в десять лет, вы обладаете этим навыком и спустя несколько десятилетий. Хотя я думаю, что сегодня хожу немного по-другому, нежели я ходил в свое время по гетто.

Тем не менее, когда совсем недавно мы были в клубе и во время танца на меня налетел какой-то парень, я был готов его порвать!

Из лекций по феноменологии мы знаем, что, как ни странно, мы всегда – и физически, и мысленно – подаем свое тело вперед; мы сначала «вписываем» себя туда, где в итоге оказываемся. Вот почему мы чувствуем себя оскорбленными, когда нас «подрезают», в том числе и во время вождения автомобиля.

Почему Вы вообще решили пойти в боксерский клуб?

Поначалу я хотел использовать спортклуб как окошко в повседневную жизнь гетто для моего исследования городской жизни. И таким окошком он стал. Но вскоре возник другой вопрос: смогу ли я выдержать изнурительные тренировки, научиться боксерскому ремеслу и стать полупрофессиональным боксером? И еще: смогу ли я как социолог объяснить другим, что заставляет боксеров работать и преуспевать? Каков их внутренний мир? <...>

Каково это – быть на ринге?

Во-первых, ты должен вписаться в атмосферу, которая царит в клубе: звуки, запахи и обстановка; в своей книге я пытаюсь их передать с максимальной точностью, приводя длинные, близкие к полевым, описания спаррингов. Попадание на ринг – это постепенный процесс: он происходит по мере того, как ты прогрессируешь в умении обузывать и реорганизовывать внешние по отношению к тебе стимулы, в умении управлять телесными навыками. Все твои органы чувств и опорно-двигательные органы находятся на пределе. Ты насквозь пропитываешься по том.

Когда тебя бомбардируют ударами, порой кажется, что теряешь

контроль, но твое тело приучается моментально обрабатывать поступающую информацию и умно на нее реагировать: верным движением в нужное время. Вот почему закаленные бойцы часто говорят, что, выходя на ринг, они оказываются «дома» или на «работе». Они научились быть холодными и собранными, контролировать себя в условиях экстремального принуждения.

Каково это – получить удар?

Большинство ударов, особенно в лицо, сильно раздражают. Ты учишься принимать удары и уходить от них. Удары в голову внезапно кидают тебя в жар. Твое лицо жжет, ты чувствуешь кровь и ощущаешь, как распухают губы, щеки, уши и впадины вокруг глаз.

<...>

Вы провели официальный бой в чикагском турнире «Золотые

Диди закрывает дверь боксерского клуба «Вудлоун»

перчатки» в 1990 г. Что можете об этом рассказать?

Выйдя на ринг, я подумал: такое ощущение, что я разгуливаю по фильму – по черно-белому фильму 1950-х гг. – над рингом висит огромная люстра, ведущий объявляет: «В красном углу весом 62 кг...» Такой сюрреализм! Я все спрашивал себя: «Это на самом деле я? Это все происходит со мной?» Но потом пришло ощущение «дома»: «Да. То, ради чего я тренировался и страдал, наконец-то свершилось! Давай сыграем!»

Какую цель Вы преследовали во время боя?

Моей главной задачей было не уронить репутацию клуба, потому что «Вудлоун» имел отличное реноме, а Диди был самым уважаемым тренером в городе. Поэтому оказаться на ринге в качестве бойца «Вудлоуна», воспитанника Диди, означало многое и не только для меня, но и для других тоже. Все парни из клуба, улюлюкая и крича, столпились у ринга.

Во время боя Вы могли разобрать отдельные голоса?

О, конечно. «Давай, Занятой!», «Обеими руками!», «Веди нижний бой!» Ты слышишь все! В первые секунды меня захватили эмоции, я был в стрессе – получил кучу ударов по «бочонку» (в первом раунде), но затем пришел в себя, включился в работу: вокруг все замедлилось, и я приступил к делу. По окончании боя парни окружили меня со словами: «Луи, ты боролся, как лев! Ты заставил нас гордиться тобой». Поэтому я почувствовал, что выполнил свою миссию на 100%.

Позже, уже во время тренировки в клубе, когда я вел «бой с тенью», отрабатывая удары и т.д., Диди сказал мне: «Ты выглядишь, как боксер на миллион долларов». И несколько раз, когда в клуб приходили посторонние, он говорил им, что я – французский боксер, который закончил бой со счетом «23 : 0» и собирался бороться с профессионалом на следующем этапе. И они верили этому! Они ведь не видели меня в бою с противником. А почему верили? Потому что я познал свое ремесло!

Большинство людей считают бокс всего лишь brutальным видом спорта.

На это любой боксер ответит: «мнение невежд». Бокс – это ремесло тела, техника, которая дает спортсменам чувство гордости и приводит их в иные моральные, эстетические и чувственные миры. Бокс – также типично маскулинный мир. Вот почему для меня столь важным является мнение читательниц, которые, прочитав мою книгу, восклицают: «Я раньше думала о боксерах как о чудовищных садо-мазохистах, но сейчас понимаю, почему они приходят в бокс, и что от него получают».

Данное обстоятельство подталкивает нас к пониманию одного факта: то, что движет боксерами в их профессии и привлекает их к ней, ничем не отличается от того, что привлекает людей в мире науки, права, политики и искусства. Тыходишь в игру с высокими ставками, в которой требуется, чтобы ты полностью отдал себя тому, чем занимаешься, чтобы ты пожертвовал собой с тем, чтобы обрести новое качество и стать более высокоразвитым существом. Это охватывается концептом «страсти».

Страсти?

Термин «ratio», возникший в латинском языке в XIII в., который означает греховное желание, любовь и страдание. И он отлично улавливает то, что связывает боксеров с их ремеслом. Но кроме того, подумайте только: политики, художники, профессора в университетах разрабатывают для себя невысказанные расписания, одновременно пытаются писать книги, подниматься по преподавательской иерархии и выполнять работы в рамках различных комиссий.

В этом смысле книга «Body and Soul» не столько о боксерах, сколько о том, как страсть связывает людей со «всепоглощающими институтами», которым они посвящают свои жизни, иногда доходя до точки саморазрушения. В этом смысле почти нет разницы между Винсентом ван Гогом, отрезавшим себе ухо, и Мохаммедом Али, становящимся бесчувственным и отвратительно

«Занятой Луи» на ринге

избивающим партнера уже после того, как одержал над ним победу, потому что он просто не в силах покинуть ринг. Ничего нельзя сделать, имея деньги, и можно сотворить все, находясь во власти порочной любви.

Как мир искусства соотносится с миром бокса?

Этой осенью я был на балете Кировского театра в Зеллербах-Холл, и мой приятель, который в прошлом был танцором, рассказал мне о том, что творится за кулисами: танцоры корчатся от боли, истекая потом и кровью, страдая рвотой. Балет – это искусство презентации тела, поэтому совершенно обоснованно можно утверждать, что балет столь же деструктивен, как и бокс. Только балет – для высших слоев населения, белых людей и феминистического мира, в то время как бокс – для низших слоев населения, темнокожих и маскулинного мира. Но страсть, страдания и самопожертвование существуют в обоих мирах.

В отличие от многих, я считаю, что в боксе нет ничего экзотического, необычного или аномального. Для того, чтобы нормализовать бокс, нужно просто продемонстрировать, что в тело инкорпорируются одни и те же социальные механизмы, когда боксер становится боксером, балерина – балериной,

а юрист в области корпоративного права – юристом.

Что вы имеете в виду?

Во всех этих случаях имеет место формирование (и последующая подпитка) либидо, соответствующего данному конкретному универсуму. Поступая учиться на юристов, люди приходят в университет со своим уникальным набором интересов и умений, но под воздействием институтов последние постепенно трансформируются; учащиеся приобретают иной, подобающий юриспруденции, набор интересов и умений, который в будущем они применяют. Первоначальное либидо, направляющее студентов на юридический факультет, становится увеличенным, адресованным и облеченным в особые формы, которые впоследствии они не замечают и не чувствуют, поскольку смотрят на мир глазами – или скорее телом – юриста. Теперь они – живые и дышащие воплощения юридических ценностей.

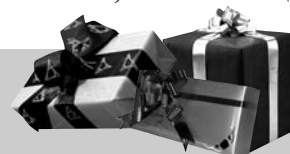
Именно это меня и интересует: каким образом социальные агенты, наделенные определенными навыками и страстями, притягиваются тем или иным универсумом, и как этот универсум изменяет их, направляет к достижению своих собственных целей.

В академическом мире Вы видите то же самое?

Определенно. Это то, что заставляет людей в этом мире разрушать их личные жизни, а иногда и семьи, вести мелкие баталии и служить великим идеалам профессии, работать во внеурочное время с целью доказать всем, что их факультет или кафедра – номер один. То же самое движет и боксерами в клубе. Это страсть. Они находятся во власти своей профессии, пожираемые ею живо и переделанные ею. Но посвящая себя определенному универсуму, они создают его.

У людей в академическом мире тоже есть «тело»?

Как и у всех! Профессиональное заблуждение интеллектуалов состоит в их убеждении, что у них нет тела, что они всецело живут ра-

зумом. Но это только потому, что они приобрели особого рода чувств тела, редуцировав его к невидимой и пассивной поддержке интеллектуальной деятельности. Это же чувство не позволяет телу отстраниться вовсе и превратиться в некий «текст», которым можно вертеть как угодно – подобно тому, что вытворяли некоторые мои коллеги-постмодернисты.

Ученые вырабатывают особую форму презентации, которая упорно отрицает наличие тела. Но тело имеет значение! Это то, чему меня научил бокс. Например, когда я читаю лекцию, я осознаю, что говорю не только при помощи голоса и головы, но и при помощи груди и всей верхней части тела, а чтобы использовать верхнюю часть тела, необходимо передвигаться на ногах. Поэтому прежде, чем я иду на лекцию или на любое другое публичное выступление, я в течение нескольких минут делаю дыхательную гимнастику и готовлюсь к тому, чтобы исполнить настоящее физическое представление.

Ваше либидо переключилось с академического мира на мир бокса, а потом обратно. Что это был за процесс?

Три с половиной года я вел двойную жизнь – днем был боксером, а но-

Лоик Вакан, профессор социологии

чью – социологом. Это позволило мне многое узнать о самом себе и о том, что значит быть увлеченно и без остатка поглощенным социальным универсумом. Я приобрел *libido pugilistica*, т.е. страсть к кулачным боям: находиться в спортзале, боксировать, слышать звуки ударов и рассказы о боксе, погрузиться до того уровня, когда универсум почти поглотил тебя. Поскольку вы наполняетесь особым либидо, вы иссушаете другие либидо, служащие иным мирам. В моем случае это *libido scientifica*.

В ту пору, когда я проводил свои счастливые дни в клубе, я приходил в Чикагский университет лишь посмотреть почту, и не мог понять, зачем все эти люди посещают лекции, семинары и конференции. Моя реакция была такова: «Зачем они растрачивают свою жизнь? Это же не жизнь, это смерть!»

Уехав из Чикаго в Гарвард, оставив клуб, я долгое время переживал депрессию, ходил как в воду опущенный. Мое *libido pugilistica* больше не подпитывалось, а мое *libido scientifica* было умерщвлено. Я застрял между двумя универсумами. Потребовалось много времени для того, чтобы эмоционально прийти в себя и освободиться от удивительных отношений дружбы, доверия и любви с моими побратимами – иначе не скажешь – в клубе и вновь присоединиться к планете исследователей.

Вы вновь перенаправили свою страсть в социологию?

Да. Социология – это экстраординарное ремесло, которое дает нам уникальный взгляд на социальный мир: способность анализировать социологические работы и оценивать изумительное искусство коллективной координации, которая лежит в основе любой светской деятельности. Я считаю, что большая удача – иметь возможность учиться у некоторых великих теоретиков социальной мысли нашей эпохи, во многом это сродни тому, как я обучался боксу у великого тренера. В социологии так же, как и в боксе: если ты однажды обрел ее в своей крови, ты никогда не сможешь позволить ей уйти.

Кайл Силер¹

магистр социологии, Корнельский университет (США)

Социология покера² (Перевод Зои Котельниковой)

Благодаря развитию и широкому распространению игры в покер онлайн, ее популярность как хобби и общественной деятельности выросла. Более того, для многих людей покер стал еще и прибыльным видом занятости. Достаточно лишь мельком взглянуть на электронные доски объявлений, и мы поймем, что число любителей и профессионалов (включая студентов и людей без определенного вида деятельности), играющих (иногда в несколько рук) в интернет-покер в постоянном режиме не реже шести раз в месяц, огромно. Поскольку сегодня миллионы людей играют в покер, он являет собой живую лабораторию для применения множества социологических идей; и ученые уже начали им интересоваться³. В данной статье я представляю социологический анализ покера.

¹ Кайл Силер собирается провести серию интервью с игроками, которые играют по высоким ставкам, и попытаться собрать данные для количественного анализа онлайн-игры в покер. Подробнее см. здесь: http://people.cornell.edu/pages/kss46/Siler_Research_Proposal_May23_07.pdf и здесь: <http://cyber.law.harvard.edu/cyberone/wiki/Poker>.

² Siler K. The Sociology of Poker // ASA Economic Sociology Section Newsletter «Accounts». 2007. Vol. 6. Iss. 3 (Summer). P. 7–10.

³ Harvard Ponders Just What It Takes to Excel at Poker // Wall Street Journal. 2007. May 3. P. A1.

Риск, неопределенность и соизмерение

Покер – это игра, в которой ее участники действуют в условиях неполной информации, делая ставки на известные (собственные карты и открытые карты на столе) и неизвестные (карты партнера) переменные. Поскольку информация неполна, игроки должны определить и соотнести риск и неопределенность. Согласно Ф. Найту⁴, риск и неопределенность следует отличать друг от друга. Под риском понимается ситуация, в которой вероятности исхода события могут быть вычислены с достаточно высокой точностью, в то время как неопределенность предполагает, что эти вероятности не могут быть исчислены вовсе.

Чтобы спрогнозировать выигрыш, игроки пытаются перевести неопределенность в риск⁵. Следовательно, в покере ключевым умением выступает способность участника точно параметризовать возможный карточный расклад и действия оппонента. Онлайн-покер, помимо прочего, помогает игроку развивать проницательность: применяя бесчисленное множество дополнительных компьютерных программ, собирающих и категоризирующих данные о партнерах, игроки получают количественные метрики и значения, облегчающие процесс принятия решений в неопределенных условиях. Грубые оценки вероятностей хотя и важны, но, принимая во внимание состояние постоянной неопределенности в покере, даже самые сложные расчеты могут быть точными и ценными лишь настолько, насколько точно и аккуратно неопределенность была количественно соизмерена.

Влияние технологии

Технология интернет-покера повлияла на развитие этой игры как таковой: распространение этой технологии обеспечило миллионам людей доступ к игре и сделало обучение покеру простым и дешевым,

решив таким образом проблему координации для тех, кто в обычной жизни не в состоянии собрать партнеров для игры. Внезапное появление такого количества новых и зачастую неопытных игроков в сочетании с фактом, что виртуальный покер, в отличие от реального, позволяет игроку по экспоненте наращивать число комбинаций и разыгрывать их быстрее, способствовало возникновению новой ниши, куда хлынули тысячи игроков с целью сколотить состояние в кратчайшие сроки. Показателем неожиданного притока огромных денег в экономику покера является тот факт, что минимальная сумма, которую должен внести игрок для участия, например, в мировой серии покера,⁶ подскочила с 512 долл. в 2000 г. до 8773 долл. в 2006 г.

Стремительное развитие интернет-покера изменило стратегии и стили игры. Онлайн-профессионалы проводят в течение месяца такое количество игр, на которое в обычной жизни им понадобилось бы не менее двух лет; данное обстоятельство позволяет нам изучать новые, агрессивные и в значительной степени

варьируемые стратегии игры. Представители общественных наук издавна утверждают, что оптимизм и агрессия формируют predisposition к достижению экономической выгоды⁷. Агрессивные игроки отчасти извлекают прибыль, побеждая в мета-игре «ястреб-голубь», которую они навязывают своим партнерам, склонным придерживаться ставки, не идти на риск, не использовать разнообразие себе во благо. На высоких скоростях (и это сущая правда) простые и лобовые стратегии, которые при малых ставках обычно ведут к выигрышу, часто оказываются проигрышными⁸. Соответственно одним из этапов профессионального развития любого игрока является прохождение им некоей точки перелома, когда способности и ставки его оппонентов делают систему символов и абстрактных знаний игры до такой степени сложной, что для того чтобы преуспеть, ему необходимо разработать свою новую философию и стратегию. К тому же требуется, чтобы в данной конкретной игре была разыграна внесенная сумма;

⁴ Knight F.H. Risk, Uncertainty and Profit. Boston; N. Y.: Kelley, 1921.

⁵ Espeland W., Stevens M. Commensuration as a Social Process // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.

⁶ Мировая серия покера – самая престижная серия покерных турниров в мире. Она состоит из 50 турниров с различными взносами. Победитель каждого турнира награждается золотым браслетом. Каждая серия завершается «главным турниром» со взносом 10 000 долл. США. – *Примеч. пер.*

⁷ DiMaggio P. Endogenizing «Animal Spirits»: Toward a Sociology of Collective Response to Uncertainty and Risk // The New Economic Sociology / Ed. by M. Guillen, R. Collins, P. England, M. Meyer. New York: Sage, 2002. P. 35–59.

⁸ Malmuth M. Gambling Theory and Other Topics. Henderson, NV: Two Plus Two Publishing, 1999. P. 123.

это неявное знание помогает проводить границы, которые формируют и поддерживают экономическую и профессиональную иерархию между ставками в покере. Агрессивные игроки преуспевают еще и потому, что располагают широким набором возможных карточных комбинаций, варьируют ставки и идут на их повышение – все это усложняет для их соперников и снижает возможность точного соизмерения и калькуляции. Однако увеличение разнообразия стратегий и их запутывание – действия, ассоциируемые с профессиональной гиперагрессивностью игрока, – не только оказывают давление на психику партнера, но и затрудняют оценку хода игры и вынесение правильного о ней суждения (хотя вести бюджет и повседневные траты еще более сложная задача). По мнению М. Малмута⁹, хороший игрок отличается от гениального игрока тем, что последний склонен делать наиболее разнообразные и маргинальные ставки. Данное утверждение о «гениальном игроке», по всей видимости, противоречит теории предельной полезности, согласно которой актер не предрасположен рисковать, а склонен в своей иерархии предпочтений ставить извлечение большего дохода выше достижения базового уровня полезности. Следовательно, у хороших игроков деньги будут всегда, а гениальные игроки часто будут перемещаться вдоль континуума – от немислимо богатого к полному банкроту.

Наделение смыслом и жизнь в нестабильной среде

Утверждение В. Зелизер¹⁰, что деньги могут иметь бесконечное множество контекстуальных смыслов, особенно верно в отношении покера. По мнению Б. Гринстайна¹¹,

⁹ Malmuth M. *Gambling Theory and Other Topics*. Henderson, NV: Two Plus Two Publishing, 1999.

¹⁰ Zelizer V. *The Social Meaning of Money*. Princeton: Princeton University Press, 1997.

¹¹ Greenstein B. *Ace on the River: An Advanced Poker Guide*. Fort Collins: Last Knight Publishing, 2006. P. 77.

График демонстрирует, что любитель, в отличие от профессионала, идет окружным путем к +10К долл. в месяц на 24К комбинаций

для успешных игроков деньги одновременно важны и бессмысленны. Чтобы преуспеть, необходимо абстрагироваться от денег и довести это чувство до полного безрассудства, но наряду с этим необходима мудрость скряги, учет каждой возможной фишки. Для серьезного игрока деньги – это одновременно капитал, средство заработка, рента следующего месяца (закладная), потребительские товары, роскошная спортивная машина, сигнал о статусе, средство реализации мечты о славе, фортуна (повышение ставок и установление их предельных значений). Граница между экономической деятельностью, понимаемой как «ведение хозяйства», и экономической деятельностью, определяемой как «извлечение прибыли»¹², подобно различению ценности потребления и меновой ценности¹³ расплывчата и размыта.

В дополнение к задачам приобретения профессиональных навыков и умения провести хорошую игру перед серьезными игроками стоит

¹² Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. 2 vols. Berkeley: University of California Press [1922], 1978. P. 86–100.

¹³ Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*, Vol. 1. L.: Penguin [1867], 1990. P. 42–43.

еще одна проблема – финансовый менеджмент¹⁴. Некоторые из самых известных и квалифицированных игроков пошли по миру просто потому, что неумело обращались с деньгами и не смогли вести бережливый образ жизни в ненадежных и неопределенных условиях повседневности. Учитывая, что даже для высококвалифицированных игроков всегда существует невыявленная вероятность риска прогореть, порождаемая злополучным и статистически нерассчитываемым раскладом карт, в результате чего человек может «либо взлететь, либо умереть»¹⁵, приумножив или потратив поставленную сумму (первоначальный капитал) и другие необходимые средства для существования¹⁶. Поэтому семья игрока в покер в один миг может превратиться из богатой в нищую, и наоборот. Оказываясь за игровым столом, профессиональные игроки должны забывать

¹⁴ Schoonmaker A. *Your Worst Poker Enemy*. New York: Lyle Stuart Publishing, 2007.

¹⁵ Malmuth M. *Gambling Theory and Other Topics*. Henderson, NV: Two Plus Two Publishing, 1999; Chen B., Ankenman J. *The Mathematics of Poker*. Pittsburgh: ConJelCo Publishing, 2006.

¹⁶ Hanusa E. *Full House: Raising a Family on Poker // Slate*. 2006. Vol. 3 (June) // <http://www.slate.com/id/2144866/>.

о стоимости доллара, но, вставая из-за него, четко ее осознать¹⁷. Управление этим парадоксом – когнитивная, эмоциональная и социальная задача, как для любителей, так и для профессионалов.

Ввиду ограниченного объема моей статьи мне удалось лишь поверхностно рассмотреть некоторые относящиеся к делу вопросы. Среди иных важных тем – экология экономики покера (игроки-«акулы» и игроки-«мелкие рыбешки»), социально-психологические основания рискованного поведения (в том числе и игромании) и формирование стратегии (поиск творческих решений сложных задач) в нестабильном окружении, где принуждение неконсистентно и эмоционально эвокативно. В конце 2006 г. онлайн-покер стал источником разразившегося в США конфликта: тогда был принят закон, жестко ограничивающий денежные переводы на сайты азартных игр. Закон неблагоприятно повлиял на индустрию в целом, но оказался слишком слабым, чтобы подавить ее или свести к нулю. Столкнувшись с кризисом легитимации, сайты и их участники с целью вывести покер из-под влияния закона, обращенного против азартных игр, активизировали свои попытки пролоббировать идею, что покер относится скорее к играм, направленным «на развитие способностей и умений», нежели к «азартным играм», ориентированным на удачу и везение. Оставив в стороне юридические вопросы, обратим внимание на то, что покер представляет нам живой контекст для эмпирического исследования того, чем отличается удача от умения. Для социологов также может быть интересным изучение взаимосвязи структуры и действия, например, в процессе распределения ресурсов на рынке труда. Все это говорит о том, что покер может сослужить хорошую службу для приращения знаний в социальных науках, и наоборот.

¹⁷ Greenstein B. Ace on the River: An Advanced Poker Guide. Fort Collins: Last Knight Publishing, 2006. P. 60.

Денис Стребков

к.соц.н., доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, старший научный сотрудник ЛЭСИ

Образ бюрократа в советской карикатуре¹

Нередко произведения искусства могут колоритно рассказать нам о характере той или иной исторической эпохи, в частности о специфике взаимоотношений хозяйствующих субъектов, доминирующем представлении о должных (предписанных) и девиантных моделях поведения, социально-экономических ролях. В наиболее яркой, гротескной форме социальные нормы и культурные образцы находят отражение в сатирических и юмористических работах. Классическими примерами в данном случае служат романы Дж. Свифта, Ф. Рабле, М. Салтыкова-Щедрина, Я. Гашека, И. Ильфа и Е. Петрова, рассказы А. Чехова, стихотворения и поэмы В. Маяковского. Наряду с литературными произведениями важным элементом сатирического жанра являются творения художников-карикатуристов. Каждый такой рисунок представляет собой вероятную или невероятную ситуацию, персонажей которой читатели легко узнают и зачастую ассоциируют с конкретными людьми из своего социального окружения.

¹ Автор анализировал годовые подшивки журнала «Крокодил» за 1957–1958, 1963–1965, 1967–1970, 1972, 1978, 1983, 1988–1990 гг. В статье мы также публикуем некоторые карикатуры из этих выпусков.

На протяжении долгих лет основным рупором советской сатиры был журнал «Крокодил». Его первый номер вышел 27 августа 1922 г. Сначала это был еженедельник, позже (с 1932 г.) «Крокодил» выходил три раза в месяц. Если в 1920-е гг. у него еще были конкуренты – «Смехач», «Бегемот», «Бузотер», «Лапоть» и др., – то начиная с 1930-х гг. он стал единственным всесоюзным сатирическим журналом. Именно в «Крокодиле» публиковались лучшие отечественные сатирики, фельетонисты, карикатуристы. В середине 1980-х гг. тираж журнал составлял немалые по сегодняшним меркам 5 млн. 600 тыс. экземпляров; с 1992 г. он стал выходить один раз в месяц, и к концу 1990-х гг. его тираж сократился до 50 тыс. экземпляров.

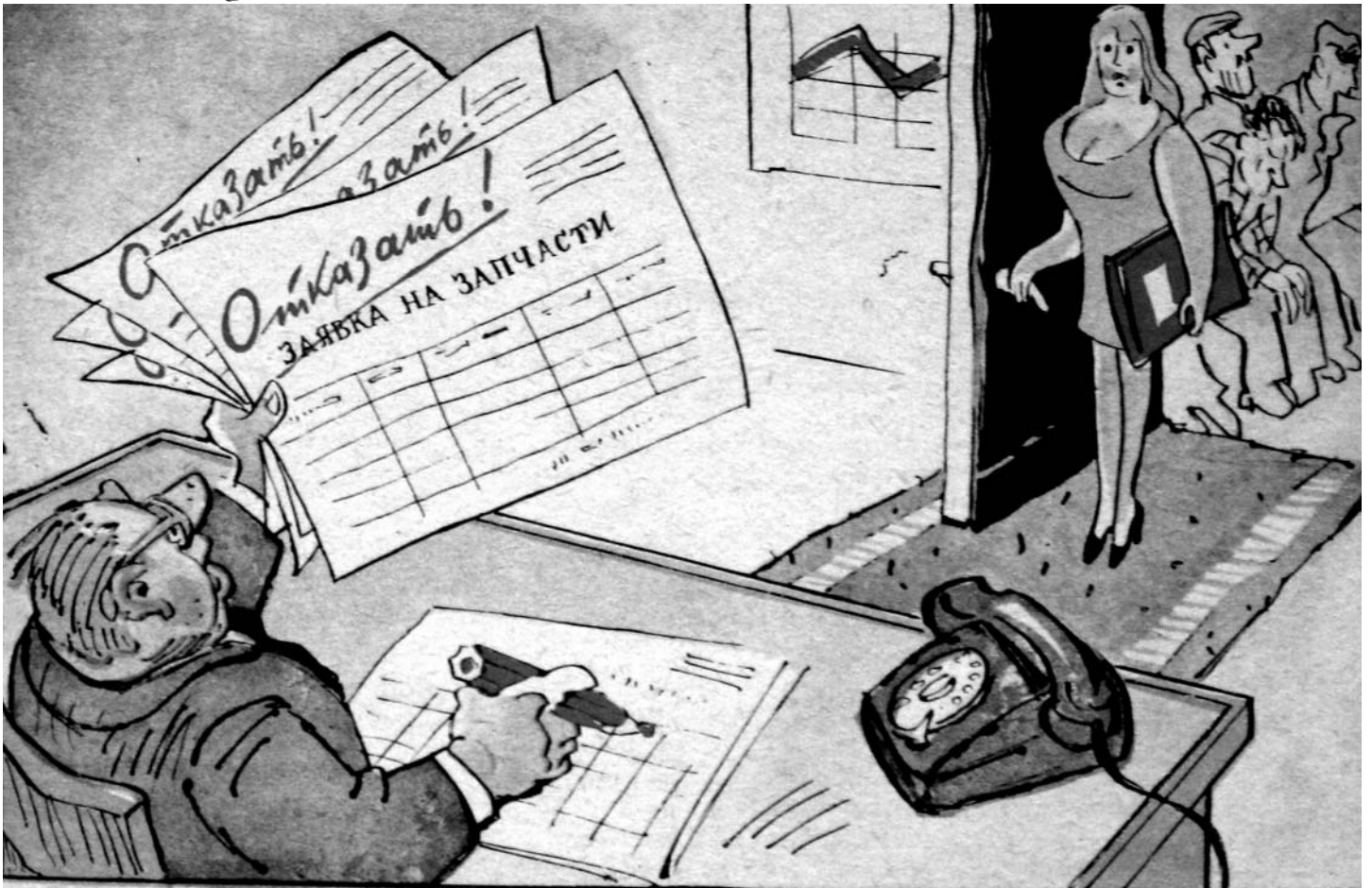
Авторы «Крокодила», по понятным причинам, нередко работали по заказу «сверху», проводили в жизнь линию партии, разоблачая и бичуя именно те недостатки, которые подвергались разбору на очередном пленуме ЦК КПСС или на партийном съезде. Так, судя по публикациям журнала, в 1960 г. в СССР остро стояла проблема тунеядцев – лиц без определенного места работы, в 1963 г. подвергались осуждению абстракционисты, в 1983 г. велась беспощадная борьба с нарушителями трудовой дисциплины, а в 1985 г. – с пьяницами и самогонщиками.

«Крокодил» своевременно реагировал и на важные внутри- и внешнеполитические события, будь то ввод советских войск в Чехословакию, высылка из страны А.И. Солженицына или очередное проявление агрессии со стороны США или Израиля.

Кроме злободневных, существовали и «вечные» темы, среди которых, например, были сдача в эксплуатацию жилого дома, поиски няни для ребенка, проблемы с запчастями для сельскохозяйственной техники, хамство продавцов в магазинах, зажим критики на предприятиях, безобразный сервис в ресторанах, ателье, гостиницах и многое-многое другое.

Мишенью «крокодилцев» служили граждане, не соблюдавшие

– Раздайте посетителям, пусть заполнят... (рис. В. Жаринова)

предписанные нормы социалистической морали: это могли быть как простые работники (прогульщики, пьяницы, лодыри, бракоделы, несунуны, летуны), так и их руководители (самодуры, растратчики, перестраховщики, взяточники и т.п.). Одним из самых популярных образов, вдохновившим немало советских писателей-сатириков и карикатуристов на создание творческих шедевров, был бюрократ. Из наиболее известных произведений на эту тему можно вспомнить роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», где Полыхаев, да и вся контора «Геркулеса» представляли собой мощную бюрократическую машину. Другой известный пример – повесть братьев Стругацких «Сказка о Тройке», в которой на протяжении всего повествования главные герои не могли справиться с небольшой, но четко отлаженной и безукоризненно действующей бюрократической командой и в конце концов стали жертвой Большой Круглой Печати. Неприимным борцом с бюрократией

во всех ее проявлениях был В. Маяковский (вспомним нетленное: «Я волком бы выгрыз бюрократизм. К мандатам почтения нету. К любым чертям с матерями катись любая бумажка...»).

Бюрократ в социологии

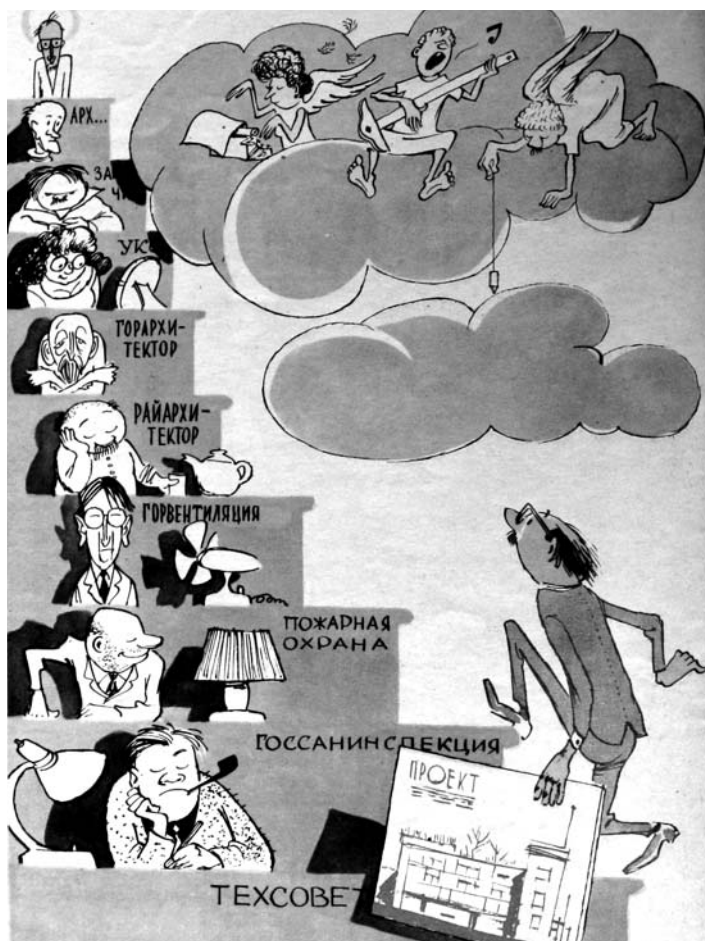
Основы научной теории бюрократии были заложены немецким социологом М. Вебером, рассматривавшим бюрократию как идеальный тип рационально устроенной хозяйственной организации. Согласно Веберу, ее эффективность определяют следующие важные характеристики:

- иерархическое устройство должностной структуры, при котором нижестоящие уровни подчиняются вышестоящим и контролируются ими;
- точное описание ролей всех элементов – каждая организация и каждая должность имеет свою четко определенную сферу компетенции, а такое разделение труда, в свою очередь, способствует появлению высококвалифицирован-

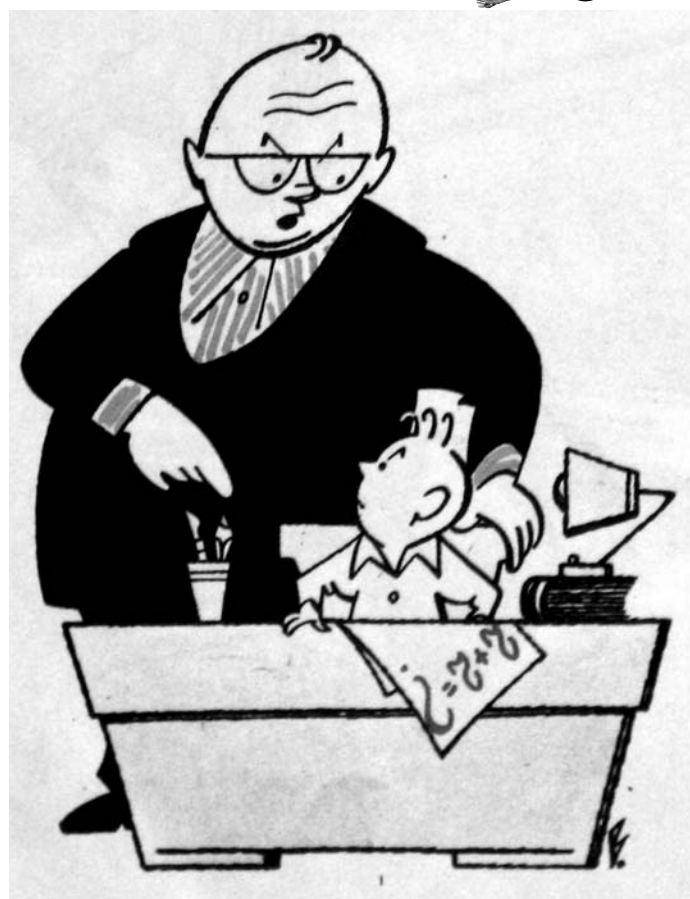
ных специалистов на каждой позиции;

- деятельность сотрудников основана на формальных (абстрактных) и обезличенных правилах и никак не связана с их личными качествами;
 - занятие должностей осуществляется на свободной, контрактной основе;
 - кандидаты назначаются на должности в соответствии с уровнем их технической квалификации, а не выбираются;
 - чиновник не является собственником того рабочего места, которое он занимает;
 - существует полная регламентированность действий сотрудников на основе обобщенных формальных правил и стандартов;
 - управленческая работа основывается на письменных документах;
 - деятельность сотрудников подчинена строгой дисциплине и контролируется вышестоящими органами.
- Подобная организация представляет собой технически совершенный

На недосягаемую высоту (рис. В. Чижикова)

– Подготовьте-ка мне соответствующее решение по данному вопросу

механизм осуществления административной власти, идеальный по своей точности, стабильности, дисциплине, надежности, предсказуемости.

Разнообразные концепции бюрократии подробно проанализированы в работах таких социологов, как Д. Битэм², М. Масловский³, И. Голосенко⁴, Т. Нестик⁵ и др. При этом исследователи отмечают, что даже в научной среде широко распространен взгляд на бюрократию как на сугубо негативное явление. Подобная точка зрения вступает в противоречие с позицией М. Вебера, но зато хорошо согласуется

с объективной реальностью. Конечно, этот факт можно объяснить тем, что первопричиной всех дисфункций служит не сама бюрократия как таковая, а способы ее реализации в каждом конкретном случае; однако масштабы явления таковы, что невольно возникают сомнения: а можно ли реализовать их как-то иначе – в более позитивном ключе?

Бюрократ в советской карикатуре

В рамках настоящей статьи я предлагаю читателям посмотреть на бюрократа глазами советских художников-карикуристов. Встав на позицию «понимающей» социологии, давайте попытаемся определить: чем руководствуются авторы, изображая бюрократа именно так, а не иначе? Какие смыслы и значения они вкладывают в свои произведения?

Итак, кто же такой «классический бюрократ»? Это человек, занимающий важный административный пост, наделенный единоличным

правом и соответствующими полномочиями разрешать или запрещать что-либо. Бюрократам может быть заведующий отделом ЗАГСа, председатель колхоза, заведующий складом, начальник отдела снабжения, врач и т.п. Любая административная организация – управление, инспекция, трест – по сути своей является рассадником и оплотом бюрократии.

Хотя бюрократ и занимает ответственный пост, он отличается от простого начальника или руководителя набором специфических характеристик:

- бюрократ не грубит, не хамит, он всегда предельно вежлив с посетителями;
- он любит свою работу – не опаздывает, не прогуливает, не ходит в рабочее время в баню, на охоту, на рыбалку;
- бюрократ не берет взяток;
- он равнодушен к подхалимажу и славословиям в свой адрес.

Как выглядит «типичный бюрократ»? Для начала определим его социально-демографические ха-

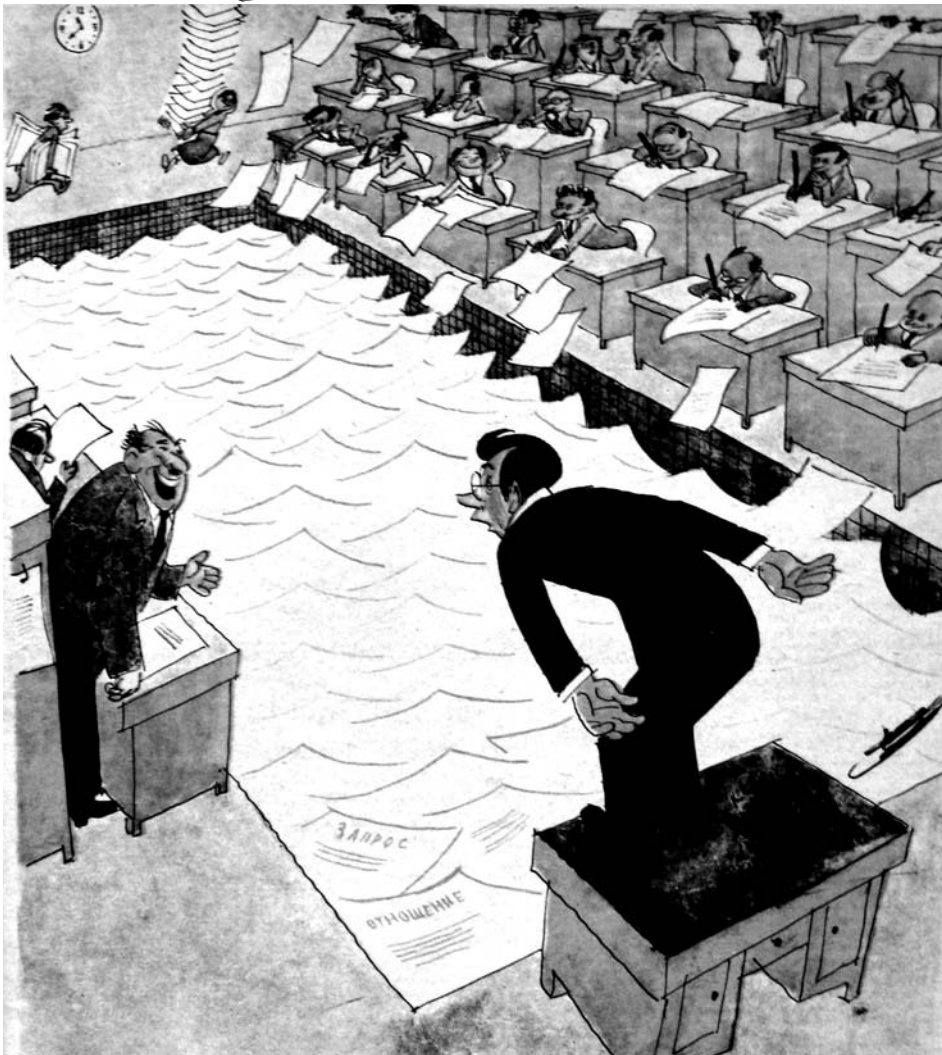
² Битэм Д. Бюрократия // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 165–185.

³ Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Нижний Новгород, 1997.

⁴ Голосенко И.А. Три толкования феномена бюрократии в дореволюционной социологии России // Социологический журнал. 2001. № 3.

⁵ Нестик Т.А. Бюрократия в зарубежных исследованиях // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 52–61.

– Диплом инженера получили? Теперь окунайтесь в работу!
(рис. Ю. Черепанова)

рактические. Что касается *гендерной принадлежности*, то здесь все однозначно: исключительно мужчина может быть бюрократом. Ни одна из рассмотренных нами карикатур не дает возможности в этом усомниться. Видимо, только представителю сильного пола по силам нести ту нелегкую ношу ответственности, которая лежит на плечах бюрократа, только он в состоянии устоять и не сломаться под напором многочисленных посетителей, требующих решения насущных вопросов. Настоящий бюрократ не стар, но уже и не молод. Его *средний возраст* колеблется от 40 до 50 лет. По всей видимости, именно в эти годы в жизни мужчины, занимающего ответственный пост, наступает период, когда он перестает видеть за бумагой человека. До 40 лет человек еще верит в светлое буду-

щее, проявляет активность, «трепыхается», стремится к чему-то новому; в более позднем возрасте на него накатывает усталость, возникает пресыщение, ему хочется стабильности и покоя, и он постепенно превращается в бюрократа. После 50 лет и бюрократический пыл в ответственного работнике постепенно угасает, а его интересы все чаще перемещаются в сторону охоты, рыбалки и другого приятного времяпрепровождения – он уже живет в ожидании заслуженного отдыха. Разумеется, данные возрастные границы условны, но факт остается фактом: художники-карикатуристы чаще всего изображают бюрократа человеком средних лет. *Внешность бюрократа* также весьма примечательна. Практически всегда он изображается в виде солидного мужчины, имеющего за-

метное брюшко, обширную лысину и небольшие усики. В его образе непременно присутствуют некоторые округлость и законченность – он напоминает воздушный шарик. Бюрократ носит очки в тяжелой роговой оправе, что неудивительно при его постоянной работе с бумагами. Он всегда гладко выбрит, подчеркнута аккуратен. Яркий образ бюрократа в произведениях советских карикатуристов удачно дополняется некоторыми деталями окружающего его интерьера и специальными аксессуарами. Некоторые из них придают бюрократу важность, подчеркивают его высокий статус, другие же отражают его *канцелярскую сущность*.

К числу первых относятся:

- отдельный кабинет с ковровой дорожкой;
- широкий массивный стол – надежный барьер между бюрократам и посетителями;
- удобное мягкое кресло;
- телефонный аппарат, а часто несколько аппаратов;
- строгий классический костюм, галстук;
- кожаный портфель;
- сигарета, как правило, с мундштуком (она добавляет облику бюрократа задумчивости).

Все эти обязательные статусные атрибуты советской эпохи, как правило, присутствуют в кабинете любого мало-мальски серьезного начальника.

Вторая, «*канцелярская*», группа аксессуаров характерна уже непосредственно для самого бюрократа. В ее составе:

- Письменные принадлежности – самый необходимый атрибут, без которого бюрократ никак не может обойтись: у него на столе практически всегда присутствуют перо и чернильница, в руке он держит большой красный карандаш, а в нагрудном кармане пиджака обычно находятся две-три авторучки. Бюрократ – это человек, который много и постоянно пишет, причем главная его миссия – наложение резолюций на документах.
- Канцелярская скрепка является важнейшим элементом бюрократической культуры. В виде скрепки

нередко изображаются нос бюрократа, его пальцы. Скрепка подчеркивает стремление бюрократа к систематизации и упорядочиванию своей деятельности.

- Печать, предназначенная для подтверждения наложенной резолюции. Как правило, печать изображается на рисунках непропорционально большой, пугающей, неотвратимой.

- Параграфы. Ими бюрократ связан по рукам и ногам. Параграфами он жонглирует. Параграфами он живет и мыслит. Параграфом он может наповал сразить любого посетителя.

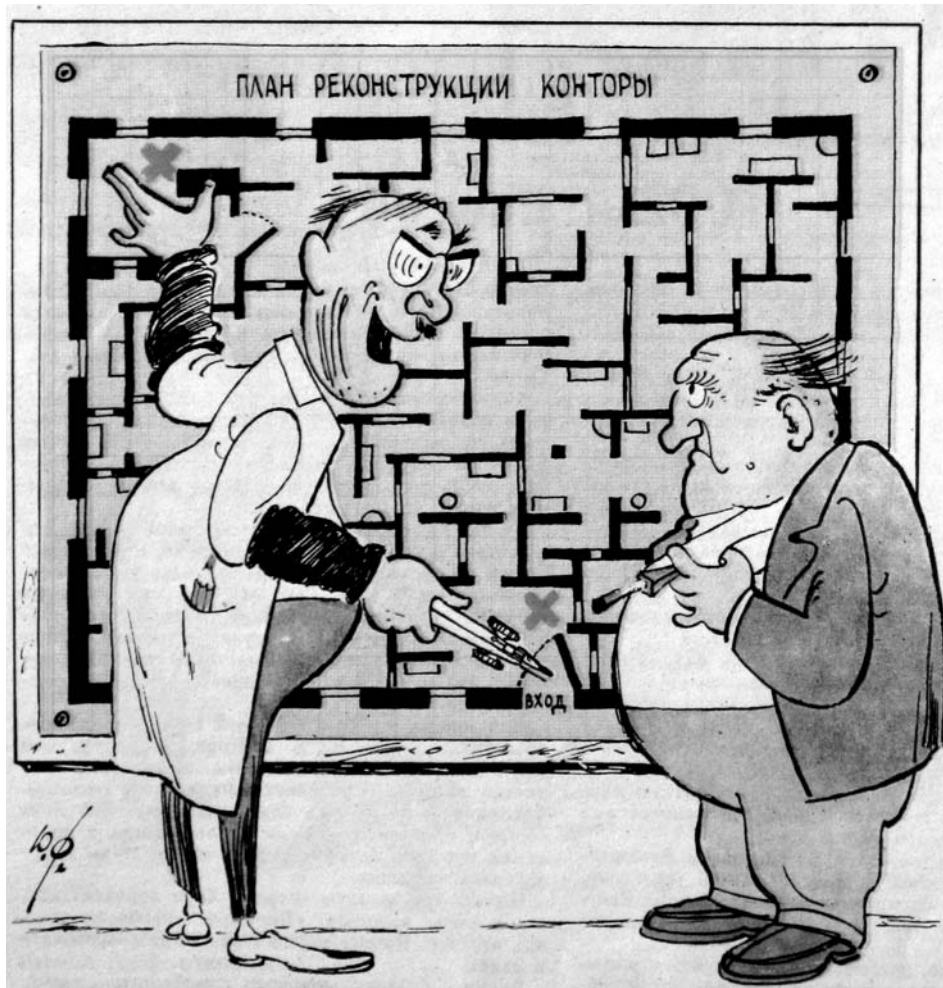
- Мусорная корзина. Как правило, заявления посетителей направляются напрямик в мусорную корзину. Настоящий бюрократ даже не утруждает себя их прочтением или просматриванием.

- Нарукавники, являющиеся знакомым символом человека, много и усердно работающего за письменным столом. Это важнейший элемент рабочей одежды бюрократа.

- Пресс-папье, настольная лампа, перекидной календарь и другие элементы, дополняющие картину традиционного канцелярского набора.

Документами, регулирующими и поддерживающими деятельность бюрократа, являются разнообразные инструкции, циркуляры, предписания, директивы, справки, анкеты, формуляры, отчеты. Полное собрание этих документов является у него чем-то вроде Священного писания. Без этих материалов бюрократ оказывается совершенно беспомощным. Он верит только тому, что написано в официальных бумагах, все остальное не является для него авторитетным. При этом он сам активно участвует в воспроизводстве этого корпуса документов.

Бюрократ абсолютно самодостаточно, он может существовать сам по себе, без всяких посетителей бесконечно долго, хотя по долгу службы ему приходится постоянно с ними взаимодействовать, контактировать. Однако это общение не приносит ему никакой радости, и отношение к людям он выказывает крайне пренебрежительное, высокомерное, для него посетители

– Здесь сделаем вход для посетителей, а тут будет ваш кабинет! (рис. Ю. Федорова)

ли подобны назойливым мухам, от которых желательно поскорее избавиться.

Бюрократ никогда не смотрит на посетителя, взгляд его устремлен вдаль, поверх головы собеседника. Он постоянно находится в раздумьях, в прострации. По лицу бюрократа никогда невозможно определить, какие эмоции он в настоящий момент испытывает, и испытывает ли их вообще. У него каменное, совершенно непроницаемое лицо, выражающее полное равнодушие ко всему происходящему. Карикатуристами широко используется художественный прием, когда бюрократ изображается в виде огромного каменного исполина или сфинкса, абсолютно неподвижного и непроницаемого, у которого бесполезно искать поддержки или понимания, которого бесполезно о чем-либо спрашивать, которого невозможно ни в чем убедить.

Для бюрократа характерно пред-

ставление о прочности занимаемого им кресла. Он искренне убежден в незыблемости своего положения в этом мире и в том, что ничто и никто не сможет его поколебать. Грузность, массивность и неповоротливость бюрократа подчеркиваются тем, что он изображается на карикатурах либо вросшим в стол, слившимся с ним, либо приросшим к стулу, составляющим с ним единое целое.

Для того чтобы эффективно выполнять свои функции, бюрократ вырабатывает определенные **концепции контроля** и старается четко придерживаться их в своей повседневной деятельности. К ним можно отнести следующие пять концепций.

Уклонение от встречи с посетителями

Чтобы попасть на прием к бюрократу, посетителю необходимо преодолеть массу препятствий. Систе-

Рисунок Кукрыниксы (из серии работ для сатирического отдела выставки «Советская Россия»)

ма коридоров административного учреждения представляет собой самый настоящий лабиринт, в котором неопытному человеку ничего не стоит заблудиться. Кроме того, прежде чем попасть непосредственно к ответственному лицу, посетителю следует сначала получить визы многочисленных его помощников, заведующих, заместителей.

Добраться до вершины этой пирамиды суждено далеко не каждому. На последнем рубеже обороны находится самый верный помощник бюрократа – его секретарша. Этот барьер преодолеть сложнее всего. Чтобы пробиться на прием к бюрократу, используются самые разнообразные способы, порой даже весьма фантастические.

*Вас приглашают в кабинет,
Где человека как бы нет.
Одушевленного предмета
Средь груд бумажных не сыскав,
Вы вдруг поймете:
Личность эта –
Лишь принадлежность кабинета,
Как стол, как стул, как книжный
шкаф.*

Эмиль Кроткий

Коммуникативные барьеры

Бюрократ общается с посетителями, используя сухой канцелярский язык, включающий в себя массу узкоспециализированных и жаргонных слов и выражений. Посетитель, естественно, не всегда понимает и не может понять то, что ему хотят сказать. Он пытается отыскать хоть какие-нибудь крупинки логики в действиях бюрократа, найти проблески смысла в его словах, но совершенно теряется в потоке незнакомой лексики. Данная культурная среда является для него абсолютно чужеродной и неестественной. На лицо серьезный коммуникационный конфликт между двумя взаимодействующими сторонами.

Перенаправление потока обращений

Деятельность бюрократа неразрывно связана с таким явлением, как волокита. Бюрократ не любит принимать решения и всегда пытается найти повод, любую лазейку, чтобы увильнуть, отказать, перенести, переложить ответственность на кого-то другого. Отсюда проистекают требования предоставления бесчисленных справок и получения бесконечных согласований во всевозможных инстанциях, где, как правило, сидят точно такие же бюрократы. Посетителя перенаправляют из кабинета в кабинет, он вынужден собирать массу различных документов. В целом система выстроена так, что положительное решение в принципе не может быть принято. Абсурдные правила, условия, которые часто физически невозможно выполнить, не оставляют посетителю ни малейшего шанса на разрешение его вопроса. Для бюрократа возможно и приемлемо только одно единственное решение: «ОТКАЗАТЬ».

Использование

«ОТПИСОК»

Бюрократ делает вид, что не понимает, чего от него хотят посетители. У него под рукой всегда есть набор стандартных, шаблонных ответов, которые, с одной стороны, ни к чему его не обязывают, а с другой стороны, никаким образом не позволяют решить проблемы обращающихся к нему людей. В результате получается, что хотя дело с мертвой точки так и не сдвинулось, бюрократ свой долг вроде бы выполнил – своевременно отреагировал на запросы трудящихся, и к нему никаких претензий быть не может.

Бурная
деятельность

Имитация бурной деятельности через максимальное увеличение бумажного потока.

Бюрократ все время чем-нибудь занят, он никогда не проводит время в праздности и безделье. Основной его задачей является создание инструкций и циркуляров в дополнение к уже имеющимся, постоянное обновление и расширение разнообразных форм отчетности. Этой работе он отдается полностью, без остатка. Например, «правильный» бюрократ сидит и ломает голову над тем, какую бы еще сводку к посевной затребовать у совхозов. Посетитель на карикатуре – это маленький человек, склонившийся перед бюрократом, совершенно беззащитный перед безжалостной бюрократической машиной. В руке он держит бумагу, на которой желает получить заветную подпись. Это может быть справка, заявка, жалоба, прошение, заявление, наряд, накладная... Глаза посетителя полны мольбы и отчаяния. Он понимает, что шансов у него практически никаких нет, о чем красноречиво свидетельствуют вся фигура бюрократа, его жесты и выражение лица.

Настоящего бюрократа ничем не проймешь. Его невозможно разжалобить, невозможно убедить, невозможно купить, невозможно соблазнить. Бюрократ никогда не является взяточником. Это две совершенно разные модели поведения руководящих работников.

Карикатуристы используют раз-

личные образы и ассоциации, показывающие всю безнадежность борьбы посетителя (просителя) с бюрократом. К наиболее ярким и выразительным из них можно отнести сравнение этой борьбы с атакой Дон Кихота на ветряные мельницы или попыткой Сизифа втолкнуть тяжелый камень на гору («сизифов труд»). Применяя эзопов язык и перенося действие в мир животных, художники наделяют чертами бюрократа большого, неповоротливого, ленивого медведя, абсолютно равнодушного к проблемам других более мелких зверей.

Тем не менее и у бюрократов есть свои слабые места, однако простым гражданам они неизвестны. Обнаружить их и использовать с выгодой для себя могут только толкачи. Это особые, удивительные люди – эдакие советские гиперборейцы, которые умеют пробивать любые стены, преодолевают любые препятствия и способны на самые невероятные подвиги. Только они в состоянии сломить бюрократа. Как это им удастся – великая тайна. Эти люди, безусловно, заслуживают особого внимания и отдельной публикации. Карикатуры свидетельствуют о том, что в любой обстановке бюрократ остается бюрократом, где бы он ни находился – дома, в гостях, на отдыхе. Его общение с женой, детьми, друзьями строится на основе многочисленных канцелярских штампов: «Подготовь-ка мне соответствующее решение по данному вопросу». За праздничным столом бюрократ ищет место для президиума. На записку, которую оставила ушедшая от него жена, накладывает резолюцию: «Зам. директора. Разберитесь и подготовьте ответ». На стадионе вместо того, чтобы подписать срочную бумагу, просит передать ее секретарю, находящемуся на противоположной трибуне. Отсюда можно сделать вывод, что бюрократизм поглощает всю его жизнь, становится основой его существования.

* * *

Таким образом, в советской карикатуре бюрократ является резко отрицательным персонажем. Его роль в хозяйственной деятельности

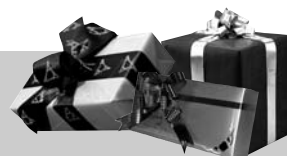
Мнение эксперта

В.В. Радаев:

– Перед нами один из случаев, когда научные и обыденные понимания расходятся до предела. В обыденном значении «бюрократизм» прочно ассоциируется с чиновничьей рутинной и волокитой, формализмом и канцелярщиной. Иными словами, он воспринимается попросту как негодный способ ведения дел. Для этого обыденного значения, кстати, в английском языке существует особый термин – «red tape». А в классической теории М. Вебера бюрократизм – это рациональная форма управления современной иерархической организацией.

На изображениях в «Крокодиле» бюрократ, конечно, не случайно рисовался таким лысеньким и кругленьким. Если посмотреть на плакаты пост-революционного времени, то именно такими изображались «проклятые буржуи» или «буржуины». Карикатуры подчеркивали, что бюрократ не является порождением советского строя. Он – пережиток или, как говорил вождь мирового пролетариата В.И. Ленин, «родимое пятно старого строя». Бюрократы мешают строительству социализма, но сам социализм, дескать, здесь ни при чем.

абсолютно дисфункциональна – он блокирует любые перспективные инициативы, тормозит прогресс, затягивает решение элементарных вопросов на неопределенный срок, многократно усложняет работу производственных структур, существенно снижая эффективность их деятельности.

«Демонизация» бюрократа (т.е. его изображение в виде совершенно лишней, бесполезной фигуры в хозяйственном процессе) выглядит довольно странной, учитывая то, что вся советская административно-командная система представляла собой мощную, четко отлаженную и практически безупречно работавшую бюрократическую машину. Чем это вызвано? На мой взгляд, этот факт можно объяснить следующим образом.

Во-первых, корпус сатирических материалов, посвященных бюрократии, можно, рассматривая как осторожную критику отдельных недостатков, присущих советскому обществу, на фоне его общей благостной картины. Таким образом, отводился удар от более серьезных проблем. Критиковать руководителей партийных организаций, составлявших основной костяк номенклатуры в советскую эпоху, на страницах «Крокодила» было бы немислимо.

Во-вторых, Советский Союз был официально объявлен государством рабочих и крестьян. Естественно, что в такой ситуации административный аппарат представлял собой инородную структуру, а проще говоря, сборище «дармоедов». Глумление над чиновниками могло создавать иллюзию, что рабочий класс реально доминирует и является гегемоном в советском государстве.

В-третьих, поскольку управленческие штаты действительно были велики, простые граждане очень часто сталкивались с проявлениями бюрократии в своей реальной жизни. Они сигнализировали о своих проблемах и трудностях в органы советской печати, а те, в свою очередь, оперативно реагировали на письма читателей, публикуя злободневные карикатуры и фельетоны.

Павел Лебедев

магистр социологии факультета социологии ГУ ВШЭ

Что такое «музыка»?

Музыка – одно из главнейших искусств. По моему мнению, не только из-за того, что она способна точно передавать эмоции, чувства и настроения человека, но и в связи с тем местом, которая она занимает в нашей повседневной жизни. Музыка присутствует в жизни любого человека, даже самого безразличного к ней. Она проникает повсюду посредством ненавязчивых мелодий, неосознаваемых ритмов. Дома из телевизора, радио или компьютера, в машине, в магазине, в кафе, даже на оживленной улице, может быть, совершенно того не желая, мы находимся в пространстве, наполненном звуками музыки¹.

Однако если говорить о музыке как о социальном явлении, возникает непростая проблема ее определения. Что такое музыка? Как можно раскрыть содержание этого понятия

¹ Интересно отметить, что из-за специфики нашего органа слуха шумовое (звуковое) пространство вполне может быть определено как тотальное. В отличие от другого ключевого чувства – зрения слух более пассивное чувство, и контроль над ним дается с большим трудом. Нам не составляет труда перевести взгляд с одного предмета на другой или даже закрыть глаза и перестать видеть. Со слухом дело обстоит несколько иначе. Конечно, мы можем заткнуть уши или, прислушавшись, выделить какой-то один звук из множества, но в целом процесс восприятия звука менее конкретен, чем процесс зрительного восприятия, и чаще мы просто слышим звуки, а не намеренно их слушаем.

и как выстраивать работу с ним? В данном тексте я попытаюсь обозначить ключевой момент, из-за которого возникают разного рода сложности на пути нашего понимания того, что такое музыка. Речь пойдет прежде всего о разграничении музыковедческого и социологического подходов к музыке.

Музыковедческий подход не проливает света на ситуацию, а наоборот, усложняет ее, раздвигая границы определения музыки, коей может считаться практически любой, *определенным образом упорядоченный набор звуков*, чего не наблюдается в других искусствах. Границы понятия «музыка» очень широки, мы склонны называть музыкой и трели пастуха, и произведения, исполняемые симфоническим оркестром, и популярную песню, и игру на гитаре подростков во дворе. В других культурных сферах, например в литературе или живописи, существуют более жесткие каноны того, что можно, а что нельзя отнести к искусству². Если обратиться к взглядам на эту проблему М. Вебера, то станет ясно, что музыка представляет собой *«социально приемлемую организацию звуков»*³. При этом европейская тональная система, в основе которой лежит рациональность, не является чем-то универсальным, а вызвана скорее уникальным, случайным стечением обстоятельств. Универсальность рациональности как основной черты европейской культуры (по Веберу) отражается во многих элементах общества – от тональной музыки до правовой системы или бюрократического аппарата⁴. Музыка интере-

² Чередниченко Т.В. Музыка в истории культуры. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. С. 108.

³ Mueller J.H. Review: Weber M. The Rational and Social Foundations of Music / Transl. and ed. by D. Martindale, J. Riedel, G. Neuwirth. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1958; Silbermann A. Wovon lebt die Musik: Die Prinzipien der Musiksoziologie («The Social Bases of Music: Principles of the Sociology of Music»). Regensburg: Gustav Bosse Verlag, 1957 // The American Journal of Sociology. 1959. Vol. 64. No. 6. P. 635.

⁴ Martin P.J. Sounds and Society: Themes in the Sociology of Music. Manchester: Manchester University Press, 1996. P. 220.

сует Вебера прежде всего как одно из проявлений универсальной рациональности европейской культуры.

Итак, к музыке можно подойти как к звукам, организованным в последовательность согласно определенным правилам. В **социологическом же аспекте** мы говорим о социальной компоненте организации звуков. Но каким образом можно уловить эту социальную составляющую? В разное время разные народы и даже разные социальные слои в одном и том же обществе были склонны отдавать предпочтение определенным типам музыки, подчас совершенно непохожим, а порой и противостоящим друг другу по способу внутренней организации.

Интересно, что Т. Адорно, считающийся родоначальником современной социологии музыки, при множестве разнообразных толкований, не дает музыке определения, способного расставить все на свои места, которое можно было бы считать базовым для дальнейших рассуждений. По большому счету Адорно довольствуется пониманием музыки как искусства, выражающего дух времени⁵. Подобный теоретический подход, на мой взгляд, вполне объясним, если учесть, что музыку, как целостное понятие, можно изучать наподобие мифа, корни которого лежат в древних космологических-религиозных учениях, рассматривающих ее как эквивалент универсальных законов мироздания⁶.

Сложность явления, которое мы привыкли определять словом «музыка», невероятна, однако в любом случае его можно считать продуктом человеческой деятельности, отражающей переживания человека, его состояние, вызванное как внешними, так и внутренними причинами. Наверное, единственно возможный способ понять суть процесса взаимодействия человека и музыки – это систематизация всего многообразия про-

явлений этого взаимодействия. При этом можно выделить как минимум два направления рассуждений – движение от музыки к человеку или от человека к музыке⁷.

Музыковедческий подход сосредоточен прежде всего на музыке, на ее классификации по типам, стилям, жанрам. Этот вопрос, наверное, является самым дискуссионным не только в среде специалистов, но и в повседневной жизни. Многие авторы выделяют различные критерии для разделения музыки на жанры, а без спора о том, к какому музыкальному стилю относится новая популярная группа, вряд ли обходится та или иная молодежная посиделка⁸. В **социологическом дискурсе** подобный подход отразился прежде всего в дихотомии массовой (низкой) и элитарной (высокой) музыки. Вслед за делением искусства на массовое и элитарное возникает и градация публики на способную и неспособную к восприятию музыкального произведения того или иного типа. Однако сама дихотомия в современной постмодернистской эстетике и науке уже потеряла свою актуальность^{9, 10}. На это обстоятельство так же указывает

⁷ В любом случае, если изначально в музыке выделить две составляющие: во-первых, техническое основание, которое можно рассмотреть как систему (музыкальная теория, инструменты и способ игры на них), и, во-вторых, творческие, экспрессивные элементы, которые условно можно определить термином «талант», то научному изучению может быть подвергнута только первая составляющая.

⁸ Споры о том, что есть поп-музыка, чем она отличается от рок-музыки и где граница между хард-роком и металлом, чаще всего ведутся именно в музыковедческом ключе с апелляцией (в той или иной степени профессиональной) к гармониям, ритмам, используемым музыкальным инструментам и т.п.

⁹ Интересен пример с музыкой стиля панк, который приводят в своей книге Р. Айерман и А. Джемисон. Панк воспринимается как альтернативная и противостоящая элитарной культуре музыка из народа, однако мало кто знает, что зарождалась она, что называется «сверху», как выгодное коммерческое направление. Противостояние существующей культуре достигалось за счет своеобразного содержания текстов и специфической формы исполнения (Eyerman R., Jamison A. Music and Social Movements: Mobilizing Traditions in the Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 166).

¹⁰ Козлова Н.Н. Безвкусица масс и вкус интеллектуалов // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 142–150; Матвеев В.Ф. Элитарная и массовая культуры внутренне близки // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 61–65.

⁵ Дамберг С.В., Семенов В.Е. «Социология музыки» Теодора Адорно и современная музыкальная культура // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 2. С. 173.

⁶ Черденченко Т.В. Музыка в истории культуры. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. С. 108.

Г.В. Иванченко в своей книге, делая вывод, что «одного измерения (от недифференцированного, некомпетентного, фрагментарного восприятия к целостному и адекватному) недостаточно для характеристики типов взаимодействия с искусством; они различаются не степенью близости к некоторому эталону, а своеобразием установок, запросов и потребностей, с которыми индивид подходит к произведению искусства»¹¹.

Для социальных наук более характерен перенос акцента с музыки на человека. Тон такому подходу задал Т. Адорно, который во главу угла поставил персону слушателя – потребителя музыки. Разработка типологии слушателей становится первоочередной задачей потому, что сама социология музыки, по Адорно, – это «познание отношений между слушателями музыки как обобществленными индивидами и самой музыкой»¹². При этом основные задачи типологии «заключаются в том, чтобы, отдавая себе отчет в антагонизмах общества, приемлемым образом сгруппировать дискретные формы реакций на музыку и при этом исходить из самого объекта, т.е. самой музыки»^{13, 14}.

Интересной иллюстрацией проявления двух выделенных подходов (ориентированных прежде всего либо на музыку, либо на человека) могут послужить примеры, которые приводит в своей работе

¹¹ Иванченко Г.В. Психология восприятия музыки (подходы, проблемы, перспективы). М.: Смысл, 2001. С. 169.

¹² Адорно Т.В. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 11.

¹³ Т. Адорно предложил свою типологию слушателей, выделив идеальные типы «эксперта», «хорошего слушателя», «потребителя культуры», «эмоционального слушателя», «рессантиментного слушателя», «джаз-фана», «развлекающегося слушателя» и «индифферентного слушателя» (Адорно Т.В. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 14–25).

¹⁴ Адорно Т.В. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. С. 12.

С. Фрит. Так, в соответствии с государственной политикой в области культуры на канадских и британских радиостанциях введены квоты на ротацию разных типов музыки. Ограничение прежде всего касается музыки иностранного производства, тем не менее определенный баланс нужно поддерживать между музыкой различных стилей. Поэтому существуют официальные документы, фиксирующие характеристики того или иного музыкального стиля. Вот как выглядит описание категории «рок и рок-ориентированная музыка»: «эта подгруппа включает рок и рок-н-ролл, ритм-н-блюз, рок, кантри-рок, фолк-рок, джаз-рок и поп-рок, когда музыка характеризуется наличием жесткого ритма, использованием блюзовых форм и наличием рок-инструментов, таких, как электрогитара, электробас, электроорган, электропианино»¹⁵. Также весьма интересен пример со спором в британской Палате лордов, возникшим из-за того, что рок-музыкант Фил Коллинз попал в хит-парад поп-музыки, что по определению невозможно¹⁶.

¹⁵ Frith S. Performing Rites: Evaluating Popular music. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 80–81.

¹⁶ Ibid. P. 83.

В приведенных выше примерах дискурс основан прежде всего на музыкальной составляющей, что роднит его с музыковедческим подходом. Однако С. Фрит приводит и другие примеры, более близкие к социологии, основанные на типологии слушателей. Так, современные музыкальные магазины отказались от жанровой классификации и стали располагать музыкальные произведения либо в алфавитном порядке по исполнителям, либо делить их на группы по принципу «музыка для...» (людей или ситуации). Именно так возникают секции: танцевальная музыка, романтическая музыка, медитативная музыка, а также менее привычные для российских меломанов «музыка для студентов», «музыка для женщин» и т.п.¹⁷

Таким образом, на мой взгляд, начиная разговор о музыке, мы часто совмещаем два разных направления – музыковедческое и социологическое, что порой приводит к некоторой путанице или вызывает затруднения в ее толковании. Следуя социологическому подходу, необходимо смещать акцент с самой музыки на людей, которые ее слушают. Таким образом, мы фактически оказываемся в привычной области социологии субкультур¹⁸. Конечно, я не призываю проводить жесткие разграничения и отделять социологию музыки и музыковедение. Наоборот, на мой взгляд, совмещение различных подходов и исследовательских парадигм всегда более продуктивно сказывается на конечном результате любого исследования. Здесь я просто хотел указать на сложности, которые могут возникать в самом начале работы в данной проблемной области.

¹⁷ Ibid. P. 85–87.

¹⁸ Очень интересный обзор работ, посвященных типологиям слушателей (от типологии У. Гарнея, предложенной еще в 1880 г., до российских исследований В.М. Петрова 1998 г.), предлагает Г.В. Иванченко в последней главе своей книги «Психология восприятия музыки (подходы, проблемы, перспективы)».

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Экономико-социологическая сказка

Как Социолух решил мир посмотреть, да себя показать

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха, и был у них сын Иван-Социолух. Жили они хорошо и счастливо.

Но вот пришла пора – вырос Социолух. Радуются старики, что стал он большой и славной детиною. Вдруг напала на Социолуха скука смертная. Пришел он к старикам и говорит: «Вырос я добрым молодцем, а света белого не видел. Пустите меня мир посмотреть да себя показать». Затужили старик со старухой, загоревали, но делать нечего, благословили они единственную кровинушку в дорогу дальнюю.

Собрал котомку Социолух и отправился в путь. Долго ли он шел, неизвестно, только забрел в такие края, куда не всякая птица долетит, не всякий зверь добежит. Идет-бредет Иван-Социолух вдоль дороги. Вышел к месту, где дорога расходится. Посредине камень стоит. На нем надпись имеется: «Налево пойдешь – в царство "Невидимой руки" попадешь, направо пойдешь – у чудовища Левиафана окажешься, а прямо пойдешь – из сказки выберешься».

Пока Социолух стоял, раздумывал, куда ему путь держать, на горизонте два богатыря показались. Поравнялись они с Иваном. Остановились и разговор затеяли.

– Кто ты, добрый молодец?

– Я – Социолух, родом из «Эсфакуса». А вы кем будете?

Первый слово молвил:

– Я – Илья Свободный, живу в царстве «Невидимой руки».

Второй говорит:

– Я – Добрыня Послушный, служу Левиафану Всемогущему. А ты куда путь держишь?

– Вот решил мир повидать, да себя показать, – отвечает Иван. – Дорога привела меня в ваши края. Увидел надпись на камне. Раздумываю, куда ж мне отправиться.

Заговорил Илья Свободный:

– Что тут думать-то? Пойдем к нам в царство «Невидимой руки». Дураков у нас нет, люд честный, предприимчивый. Правда придется от друзей своих и знакомых отречься. Коли умом не тут, так будешь один-одинешенек жить, живота наживать.

Тут вступил Добрыня Послушный:

– Не слушай ты его. Царство у них невидимое. Даже в сказках его не найдешь. Заведет он тебя в лес непроходимый и темноту кромешную. Лучше залезай на моего коня, со мной поехали. Поступишь на службу к Левиафану. Познав писанное и неписанное, будешь жить в душевном здравии и полном согласии.

Перебил Добрыню Послушного Илья Свободный:

– Коли ум короток, так, пожалуй к ним. Только помни, ждет тебя там пожизненная служба верноподданного.

Призадумался Социолух. Голову повесил. Запечалился.

Вдруг потемнело все вокруг. В небе трехголовый Змей появился. Кружит. Страху нагоняет. Добрые молодцы за

мечи булатные схватились. Держать отпор затеяли.

Опустился Змей на землю. Встал перед богатырями. Первая голова спрашивает:

– Чьи будете?

Вторая:

– По какому случаю толк держите?

– Я – Илья Свободный из царства «Невидимой руки».

– Я – Добрыня Послушный, служу Левиафану Всемогущему.

– Я – Социолух, родом из «Эсфакуса». Думаю-раздумываю, куда путь держать: в царство «Невидимой руки» идти или к чудовищу Левиафану податься.

Заговорила третья голова: «Ну и дурак ты, Социолух: телом вырос, а умом не дорос. Отправляйся-ка ты напрямиком. Там живет люд настоящий. Там Василиса Премудрая сети плетет, а Змеи трехголовые правдою-неправдою окутывают. Будешь жить там не знамо как. Будешь дружбу водить с кем захочется».

Закивали первые две головы: «Мол, правду изрекает старшая».

Призадумался Иван-Социолух: куда ж ему доброму молодцу отправиться? Потом пошел к камню дорожному. Стер надпись прежнюю, да оставил новую:

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической социологии, руководитель ЛЭСИ, первый проректор ГУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

Елена Александрова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, менеджер ЛЭСИ

Мария Правдина

магистрант факультета социологии ГУ ВШЭ, младший научный сотрудник ЛЭСИ

Художественный редактор
(дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист, дизайнер

Отдельная благодарность

Редактору Кларе Мироновне Канюк

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Лоик Вакан

профессор социологии Калифорнийского университета в Беркли (США), научный сотрудник Центра европейской социологии в Париже (Франция)

Кайл Силер

магистр социологии, Корнельский университет (США)

Денис Стребков

к.соц.н., доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, старший научный сотрудник ЛЭСИ

Павел Лебедев

магистр социологии факультета социологии ГУ ВШЭ

Зоя Котельникова

аспирант кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ, научный сотрудник ЛЭСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

125319, Россия, г. Москва, Кочновский проезд,
д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61
e-mail: ealexandrova@hse.ru
web: ecsoclab.hse.ru

Адрес редакции

125319, Россия, г. Москва,
Кочновский проезд, д. 3, комн. 403
тел.: (495) 152-07-61

Выходит один раз в два месяца

При финансовой поддержке Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера: ecsoclab.hse.ru